

1910 г. Пермь, 1911. С. 16-19; Доклад Губернской Земской Управы Пермскому Губернскому Земскому Собранию 46-й очередной сессии по урожаю хлебов и трав на крестьянских землях Пермской губернии в 1915 г. Копия. С. 11-14; Журналы Пермского Губернского Земского Собрания 42-й очередной сессии и доклады комиссий и Управы. Пермь, 1912. С. 302-303; Журналы Пермского Губернского Земского Собрания 45-й очередной сессии и доклады комиссий. Пермь, 1915. С. 284-286; Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Обзор 1900 г. Пермь, 1903. С. 68-69, 86; Обзор 1901 г. ... 1902. С. 68-69, 84; Обзор 1902 г. ...1903. С. 68-71, 86; Обзор 1903 г. ...1904. С. 68-71, 86; Обзор 1904 г. ...1905. С. 52-55, 120; Обзор 1905 г. ...1906. С. 52-55, 123; Обзор 1906 г. ...1907. С. 52-55, 71; Обзор 1907 г. ...1908. С. 104-107, 123; Обзор 1908 г. ...1909. С. 104-107, 121; Обзор 1909 г. ...1916. С. 106-109, 124; Цифровой материал о положении сельского хозяйства крестьян Пермской губернии за восьмилетний период с 1905 г. по 1912 г. включительно. Пермь, 1913. С. 3.

Таблица 5

Соотношение численности населения и валового сбора главных хлебов в Пермской губернии в 1900 – 1909 гг.*

Год	1900		1901		1902		1903		1904		1905		1906		1907		1908		1909		Средний показатель за период	
	численность населения	валовой сбор на человека*	численность населения	валовой сбор на человека*	численность населения	валовой сбор на человека*	численность населения	валовой сбор на человека*	численность населения	валовой сбор на человека*	численность населения	валовой сбор на человека*	численность населения	валовой сбор на человека*	численность населения	валовой сбор на человека*	численность населения	валовой сбор на человека*	численность населения	валовой сбор на человека*	численность населения	валовой сбор на человека*
Верхогурский	248052	19,56	248052	5,95	248052	16,6	248052	20,00	235177	25,94	235177	24,72	235177	20,53	240856	12,62	246646	15,72	247305	23,39	243254,6	18,503
Екатеринбургский	354376	27,06	354376	15,13	354376	19,71	354376	29,00	373244	21,07	390442	38,44	373244	19,51	390572	20,62	419628	24,67	425880	26,46	379051,4	24,167
Ирбитский	142845	49,41	142845	15,58	142845	39,42	142845	44,00	151163	58,84	151478	61,05	153137	39,19	157911	24,05	157319	52,10	160012	47,18	150240	43,082
Камышловский	250687	53,13	250687	24,03	250687	36,61	250687	54,00	264058	52,83	264058	71,62	264058	38,27	264058	27,88	264058	60,25	276930	48,63	259996,8	46,725
Красноуфимский	247196	34,20	247196	22,58	247196	34,63	247196	32,00	265660	56,73	265651	48,00	265651	37,00	265651	32,00	265651	25,21	284728	28,96	260177,6	35,131
Кунгурский	123372	41,34	123372	21,37	123372	40,36	123372	36,00	126315	58,19	127049	51,80	130029	39,54	132187	27,44	132669	34,58	133693	33,96	127533	38,458
Осинский	300040	39,95	300040	21,69	300040	33,80	300040	32,00	318752	56,98	324845	42,71	332989	29,57	343526	30,00	346944	59,82	346595	43,87	321381,1	39,039
Оханский	264576	46,98	264576	23,05	264576	40,62	264576	29,00	271610	60,57	269876	62,34	269876	52,39	269876	43,71	269876	34,59	269876	60,84	267929,4	47,409
Пермский	196240	35,45	196330	20,01	196330	29,53	196330	28,00	197251	40,98	197251	38,63	197251	32,11	197251	29,62	197251	35,21	197251	34,31	196873,6	28,954
Соликамский	213092	34,38	213092	23,64	213092	25,57	213092	18,00	220173	31,68	220173	38,80	220173	34,33	220173	40,00	220173	41,80	320173	40,59	227340,6	32,879
Чердынский	100163	22,22	100163	18,43	100163	17,34	100163	15,00	110170	22,37	112277	28,67	113611	23,52	113819	20,41	116449	41,80	116863	22,18	108384,1	20,732
Шадринский	315932	46,45	315932	15,45	315932	30,80	315932	57,00	335028	43,20	329482	74,90	329601	36,97	329601	32,00	356619	48,73	354668	41,78	329877,7	42,728
ВСЕГО по губернии	2756571	37,72	2756461	18,72	2756661	30,13	2756661	34,00	2868601	43,02	2887759	49,45	2884797	33,19	2925481	28,77	2993183	40,46	3033974	38,10	2862014,9	35,356

*Составлено по: Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Обзор 1900 г. Пермь, 1903. С. 68-69, 86; Обзор 1901 г. ... 1902. С. 68-69, 84; Обзор 1902 г. С. 68-71, 86; Обзор 1903 г. ...1904. С. 68-71, 86; Обзор 1904 г. ...1905. С. 52-55, 120; Обзор 1905 г. ...1906. С. 52-55, 123; Обзор 1906 г. ...1907. С. 52-55, 71; Обзор 1907 г. ...1908. С. 104-107, 123; Обзор 1908 г. ...1909. С. 104-107, 121; Обзор 1909 г. ...1916. С. 106-109, 124.

**Валовой сбор на человека указан в пудах

**Павлова О.В. (Екатеринбург)
Беспризорность на Урале в 1931 – 1939 гг.**

1931 – 1939 годы охватывают третий этап беспризорности на территории Урала в межвоенный период, существенно отличающийся от двух предыдущих (1917 – 1925 гг., 1925 – 1930 гг.). Основой выделения этапов послужил источник пополнения рядов беспризорных, который на каждом этапе был разным. В 1917 – 1925 годах это были дети, потеряв-

шие родителей в ходе Первой мировой войны, Гражданской войны, голода 1921 – 1922 годов. Беспризорность, принявшая значительные размеры, впервые поставила перед советским государством задачу борьбы с ней. Урал, как место прохождения крупнейшей железнодорожной магистрали, стал одним из районов массового сосредоточения бездомных, голодных, безнадзорных детей. К 1925 году количество непризорных детей здесь достигло 10 тыс. человек (1). На втором этапе (1925 – 1930 гг.) массовая уличная непризорность была ликвидирована. Большинство детей было размещено в детские дома Уральской области. Однако именно в этот период появился новый источник пополнения непризорности – безнадзорные дети. Отсутствие должного внимания и контроля со стороны родителей, органов образования, детских общественных организаций, приводило к тому, что многие дети попадали под влияние улицы. Контингент непризорных в этот период стал наиболее сложным. «Трудные подростки», имеющие многолетний уличный стаж, практически не поддавались педагогическому воздействию. Поэтому для них были созданы специальные учебно-воспитательные заведения. Основным отличием третьего этапа (1931 – 1939 гг.) стал новый источник непризорников. В 1930-е годы Уральский регион стал одним из главных мест «кулацкой ссылки». Низкое качество жизни, тяжелые условия труда приводили к высокой смертности и частым побегам спецпереселенцев. Большое количество детей оставалось на улице. Они были вынуждены просить подаяние, чтобы не умереть от голода. К 1932 году на территории Урала их насчитывалось до 8 тыс. человек (2). Поэтому, несмотря на неоднократные постановления советской власти о том, что непризорность должна быть ликвидирована полностью (к 1929, к 1930, к 1931 г.), борьба с ней продолжалась вплоть до начала Второй мировой войны, когда новая волна непризорников поглотила старую.

Благодаря деятельности заграждений в 1930 – 1931 годах было впервые проведено масштабное изучение непризорников, передвигавшихся по железной дороге (3). С этой целью на каждого ребенка заполнялась специально разработанная анкета. По итогам работы были получены интересные сведения о половозрастном и социальном составе непризорных детей, национальности, уличном стаже. Полученные в ходе обследования данные, показывают, что с течением времени контингент непризорных детей существенно не изменялся. Его основу, как и в предыдущие периоды, составляли мальчики (96,2%). Девочки – непризорницы составляли лишь 4% от общего числа детей, задержанных на железной дороге. Преобладающим среди непризорных детей был возраст 11 – 12 лет (35,3% от общего количества). На втором месте – дети 13 – 14 лет (29,3%). Интересен тот факт, что в теплое время года доля детей в возрасте до 8 лет увеличилась с 4% до 10,2%. По сравнению с двумя

предыдущими периодами половозрастной состав беспризорников не изменился. Со значительным преобладанием выделилась группа детей рабочих (свыше 50%), на втором месте – крестьянские дети (36%). По всей вероятности это были наименее обеспеченные слои населения, ставшие в 1931 – 1939 годах одним из основных источников пополнения детской беспризорности и безнадзорности. Причем, если в отчетах предполагалось, что большинство детей идет из обнищавшей деревни, анкетные сведения это не подтвердили. По национальному составу преобладали русские. 65% беспризорников составили сироты, 24% от общего количества имели мать или отца, и лишь 11% имели обоих родителей. В связи с тем, что основной контингент беспризорных детей в период 1930 – 1939 годов был представлен беглецами из детских домов, их совокупное количество составляло 1143 чел. (67,1%). По стажу беспризорности дети распределились следующим образом: до 1 месяца – 700 чел. (38,1%), до 6 месяцев – 318 чел. (17,3%), до 1 года – 328 чел. (17,8%), до 2 лет – 268 чел. (14,6%), свыше 2 лет – 225 чел. (12,2%). Итого 1839 чел. Несмотря на то, что доля беспризорников без стажа составила 38,1%, беспризорники со стажем преобладали. Среди них доля детей с большим стажем бездомной жизни (от 1 года и выше) достигала 26,8%.

В 1930-е годы одним из основных источников пополнения рядов беспризорных стали дети спецпереселенцев. К 1933 г. на Урале находился 21 специальный детский дом, к тому же некоторые обычные детские дома принимали эту категорию детей (4). Всего к концу 1933 г. на территории Урала находилось около 10,2 тыс. беспризорных – спецпереселенцев (в эту цифру не вошли не охваченные социальной помощью дети, т.е. «уличные беспризорные») (5). К концу 1934 г. на территории одной только Свердловской области насчитывалось около 15,8 тыс. детей спецпереселенцев. Из них охвачено детскими домами было лишь 9 тыс. чел. (6)

Для активизации борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью, как и в предыдущий период широко привлекались различные общественные организации. Большинство детей в детских домах было охвачено пионерским движением. Общество «Друзья детей» к 1933 г. насчитывало в своих рядах около 150 тыс. человек. Для того, чтобы его функции не расплылись, с 1935 г. организация стала заниматься исключительно помощью пионерорганизации, оздоровительной работой и борьбой с беспризорностью (7). Для контроля над этой деятельностью при Свердловском Горсовете была создана специальная секция по беспризорности (8). Однако количество беспризорных детей не уменьшалось. Борьба с беспризорностью на Урале продолжалась с переменным успехом вплоть до начала Второй мировой войны, когда начался новый этап миграционного движения населения СССР.

1. ГАСО. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 391. Л. 169 – 176.
2. Там же. Ф. Р-245. Оп. 2. Д. 171. Л. 107.
3. Там же. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 1378. Л. 38, 81, 497.
4. Там же. Ф. Р-245. Оп. 2. Д. 171. Л. 105.
5. Там же. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 2106. Л. 18.
6. Там же. Ф. Р-321. Оп. 1. Д. 23. Л. 8.
7. Там же. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 1378. Л. 267.
8. Там же. Л. 297, 297 об.

Петрова С.Л. (Курган)
Современные историографические проблемы
«еврейского вопроса» в Сибири

В последние годы усилился интерес историков к так называемому «еврейскому вопросу». Несмотря на то, что в отечественной исторической науке национальный вопрос всегда был популярен и вызывал неослабевающее внимание у исследователей, примерно с середины 30-х годов XX века на фоне общего диктата командно-административной системы изучение истории российских евреев практически прекращается. Официальная идеология не позволяла ученым провести полноценное изучение проблемы и сделать адекватные выводы о происходящих национальных процессах.

Еврейская историография возрождается в начале 1990-х годов в период распада СССР и формировании новой российской государственности. Демократизация российского общества резко поменяла акценты в изучении данной темы. Основная тематика работ по изучаемой проблеме на современном этапе связана с пересмотром официальной концепции «еврейского вопроса». Это связано с переходом от ортодоксальной идеологии к многообразию исторического анализа, формированием новых исторических концепций, свободных от идеологического давления. На смену критики российского самодержавия приходят более взвешенные оценки его еврейской политики.

В современной еврейской историографии, по мнению профессора Д. А. Эльяшевича, довольно четко прослеживается тенденция к изучению как минимум двух тесно взаимосвязанных, но тем не менее, самостоятельных проблем - еврейской истории в России и русской истории евреев. В последнюю он включает "историю русского законодательства о евреях, историю взаимоотношений государства и еврейского населения, русского общества и евреев, историю антисемитизма" (1).

В русской истории евреев одним из наименее исследованных аспектов является история их водворения и проживания к востоку от Урала. Безусловно, центром еврейской жизни в России являлась европейская часть страны, а точнее, та ее территория, через которую проходила так